На слепящий глаза своим операционным блеском пол кабинета директора Шестая ступала осторожно, как будто делала первые неуверенные шаги по минному полю, готовому взорваться фонтаном брызг, выплюнуть в лицо осколки и комья земли.

Рейзел уже сидел на привычном месте, внешне расслабленный и бесстрастный, как всегда, но чашка с чаем — столь знакомый показатель спокойствия — была тревожно не тронута. Директор за его спиной мило улыбался, и от этой улыбки мороз продрал кожу, вздыбился позвоночник, готовый вывернуться в очередной животной химеризации, хотя край разума четко помнил, что подобного уже никогда не совершить, свою финальную стадию девушка прошла.

Щелчок двери послужил негласным сигналом, выстрелом стартового пистолета. Кабинет затопила густая, давящая сила.

Когда выходишь из прохладного офиса в летний полдень, то сразу окунаешься в ошеломляющую жару. Воздух дрожит и плавится, висит зыбким, но зримым маревом над раскаленным асфальтом, густой, с трудом пробирающийся в легкие, и каждый вздох — преодоление самого себя, своих пределов.

У силы директора не было утешительной летней жары, солнечного света, ради которого можно было бы потерпеть неудобства, она просто давила и давила плотной, единой стеной, незримой, но ощутимой. Шестая задыхалась, казалось, кости сейчас захрустят, как тонкие леденцы. Но это не помешало ей выхватить пистолет, предусмотрительно заткнутый за пояс, и направить его на директора. Рука не дрожала, а глаза отслеживали каждое, даже малейшее движение, как блондина, так и брюнета. Было больно осознавать, что Рейзел, к которому она уже привязалась, выступал на стороне напавшего на нее человека. Почему-то именно его «предательство» било неприятнее всего. Если бы на стороне директора выступили другие дети, это было бы не так обидно, Шестая уверена.

— Разве вы успеете, мисс Ран?

— Не сомневайтесь!

Ее голос тоже не дрожал, как и рука. Директор с предвкушением оскалился, в его гримасе все больше проступало безумия, дикого и совершенно не человеческого. Жажда боя, упоение, предвкушение сражения с достойным противником и желание попробовать его мощь на вкус… Подлинный боец, более боец, чем многие знакомые Шестой.

Давление силы возросло, девушка принялась высчитывать, когда именно ей придется пустить пулю врагу в лоб. Торопиться в таком деле не следовало, ведь пока что он не предпринимал никаких открытых действий. Пока…

Оскал, гибкое тело подалось вперед…

— Франкенштейн!

Тихий голос, как ушат ледяной воды, разбил стеклянный купол напряжения, провоцируемого двумя несостоявшимися противниками. Тишина разлетелась прозрачными, блестящими осколками, и люди вновь очутились в кабинете в самом сердце обычной человеческой школы. Со сверкающими полами, выровненными по линейке картинами, дипломами и мебелью. Солнце вновь заглянуло в окно. Оно никуда не уходило, но показалось, будто яркое светило спряталось, и все заволокла серым цветом проходящая мимо туча.

Сосредоточившаяся на цели Шестая недоуменно моргнула, а оскал директора пропал, вновь сменившись милой улыбкой доброго, заботящегося о детях педагога. Мужчина склонился перед Рейзелом, полный искреннего почтения, практически поклонения, прижав руку изящным и, чего греха таить, немного пафосным жестом к груди. Он гордился своим статусом прислужника, гордился тем, кому служит — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы прочитать это по выверенным и четким движением. Да директор буквально проецировал в пространство свое уважение, благоговение и готовность выполнить любой приказ, как будто кричал… или метил территорию. На последней мысли Шестая невольно усмехнулась.

— Прошу прощения, Мастер.

— Франкенштейн…

Еще никогда девушке не доводилось видеть, чтобы человек бледнел так стремительно. В голосе, в фигуре его откровенно читалось огорчение от того, что вызвал недовольство… Мастера. Давление силы опало, как будто ее резко втянули внутрь человеческой фигурки, необычайно малой на фоне давящей и постоянно растущей ауры. Подобное Шестая встречала всего раз: когда угрожающий, полыхающий жар Третьей, направленный против их врагов, гас в одно мгновение. Вот он есть, и вот его нет. Не уловить перехода, если мама сама того не пожелает.

Рейзел встал и медленно, текучим, плавным шагом подошел к ней. Пистолет не дернулся, Шестая не сдвинулась ни на миллиметр, все еще готовая прорываться с боем. Но изящная ладонь легла невесомо и небольшим давлением передвинула оружие, направив его точно в сердце, скрытое за слоями дорогой белоснежной ткани.

— Мастер!

Рейзел не обратил ни малейшего внимания на панику своего слуги, он не сводил взгляда с девушки, а Шестая не могла отвести глаз от бледного лица. Они стояли так близко, в любой момент она могла убить его, вынести сердце, взорвать… но одноклассник не проявлял ни малейшего признака беспокойства. Как будто так и надо: чтобы ее пистолет упирался ему в грудь. И она чувствовала ровное биение пульса, слышала его дыхание, усилившийся сладковато-морозный аромат.

— Тсуна, не надо…

Заточенная многочисленными опытами и заданиями, тщательно оберегаемая ею самой, выпестованная Третьей, лелеемая всей семьей бабочка-интуиция, остатки сути ее-прежней, той самой Савады Тсунаеши, которые она пронесла с собой в новую жизнь, затрепетала в своем ледяном убежище, стенки которого разошлись по телу тонким, полупрозрачным резонансным звоном. В нем было все: доверие, мольба. Такое прежде случалось редко, чрезвычайно редко и соответствовало… ключевым, поворотным моментам в жизни. В последний раз она слышала этот звон в полубезумном состоянии химеры, укачиваемая разодранными руками матери, ее угасающий разум зацепился за слова, сказанные нежным тоном, льющиеся на фоне все никак не прекращающегося звона. Ее суть сопротивлялась звериному началу, требовала выбирать, собрать все силы, чтобы принять решение, куда пойти. Выжить или умереть от рук сестры, обрекая мать на вечную, бессмертную и бесконечную печаль.

Сейчас она снова стоит на распутье. Хватит ли у нее духу поверить кому-то не из семьи, поверить настолько, чтобы раскрыть свою сущность? Пусть не до конца, пусть постепенно, но… если она сейчас «согласится», Рейзел невольно станет ей ближе, чем дети в классе. Она выделит его и будет открываться все больше и больше, как водоворот, цепкий и невероятной мощный, он подхватит ее своим течением и уже никогда не отпустит.

Хочется ли ей этого? Стоит ли ему верить?

Звон не прекращался, интуиция билась о ледяной хрусталь, просилась наружу, скованная, но не побежденная, сломленная не до конца.

Шестая облизнула губы. Скорей всего, это будет новое приключение, новая информация, возможно, потенциально опасная… Хочет ли она?

Может ли она доверять Рейзелу? Рейзелу, слушавшему ее, когда она показывала, как пользоваться компьютером. Ни разу не причинившему вреда никому из их компании, даже примчавшемуся их спасать. Рейзелу, что так смирно и смиренно ожидает ее выбор, готовый принять любой, включающий пулю в сердце. Попасть она вряд ли попадет, не с директором за плечами, но…

Шестая хотела. Верить, дружить, протягивать руку, знать еще больше.

Как она оказалась у Эстранео? Что именно стало с Емитсу и ее сводным братом?

Хотела вспомнить, чьи руки обнимали ее в сновидениях из детства.

Хотела быть в компании равных и сильных. Мама была права: им ни капельки не интересно работать с теми, кто слабее. Общаться, даже дружить — пожалуйста. Но только не работать, демонстрируя полную мощь.

Пистолет дрогнул, отчего директор напрягся, но Шестая уже опустила его, заставив мужчину облегченно перевести дыхание. Его улыбка была гораздо искреннее, чем раньше.

— Чашку чая?

— Не откажусь.

На этот раз Рейзел, расположившийся напротив, принял из рук слуги новую порцию напитка и сделал глоток, а Шестая положила пистолет на стол, как бы временно капитулируя. Напряжение развеялось, как не бывало его вовсе.

Директор абсолютно привычно для себя встал рядом с Мастером. Его движения были легки, что говорило о выучке, о естественности его поведения. И тут Шестая вспомнила…

— Франкенштейн?! Тот самый?!

Директор странным образом напрягся, во взгляде его прорезались любопытство и настороженность.

— Тот самый?

— Мэри Шелли? Чудовище Франкенштейна?

Легкая морщинка разгладилась, директор вновь чувствовал себя превосходно. Рейзел не прекращал пить чай.

— Ах, это! Признаться, я сам был поражен, как забавно интерпретировала отрывки моих записей эта юная леди. Хотя, надо признаться, кое-какие настроения она уловила верно.

Юная леди? Писательница, родившаяся больше двух столетий назад?! Сколько же лет… Франкенштейну?

Директор выглядел откровенно довольным реакцией девушки.

— Можете тоже называть меня Франкенштейном, мисс.

— Тсуна… — все еще растерянно и заторможенно.

— Благодарю. Кстати, это ваше настоящее имя?

На этот раз Рейзел тоже удостоил ее внимательного, пристального взгляда из-под пушистых ресниц, прежде, чем вновь вернуться к дивному напитку.

Напиток был превосходен: глубокий, насыщенный вкус в достойном обрамлении тонкого фарфора. Шестая прикрыла глаза, наслаждаясь каждой каплей. Без возможных примесей, кстати.

— Да.

— А фамилия? — не отставал директор, голос его сделался вкрадчивым, самую малость, но достаточно, чтобы вызвать ассоциации с затаившейся в розовых кустах змеей. С ним интересно будет играть в увертки и недомолвки, потому что чувствовалось — вцепится, как питбуль и не отпустит.

— Нет.

— Но ваши документы…

— Мне помогли, — в конце концов, это не то, что нужно скрывать. Если директор Е-Ран, с его связями, начнет копать под нее, появятся ненужные вопросы.

— Хм… — мужчина в задумчивости коснулся точеного подбородка, при этом синие глаза препарировали, исследовали, выискивали… — Мое внимание привлекло в основном не владение оружием — в конце концов, у каждого свое хобби, — и улыбка такая тонкая-тонкая, как надрез скальпеля. — Нет, меня заинтересовала твоя готовность выстрелить. Ни единой секунды колебания. Даже если знала, что один из похитителей перед тобой не человек, остальные-то выглядели как люди. И тем не менее, ты не сомневалась, расстреливая их. Кстати, попадания весьма и весьма хороши…

— Спасибо.

— Но еще на телах заметны следы пламени посмертной воли.

Шестая продолжала спокойно прихлебывать чай под испытующим взглядом директора и внешне равнодушным — Рейзела. Однако в мозгах крутились шестеренки: не каждый сможет определить вид пламени, только если знает, что искать. Сейчас носители пламени уничтожены, но учитывая возраст директора…

Девушка отставила чашку, аккуратно, почти беззвучно, развела руками.

— Посмотрите на меня. Вы видите признаки владения пламенем?

Франкенштейн уставился, как будто мечтал прямо здесь и сейчас, на чайном столе, вскрыть, разложить по кирпичикам, перетряхнуть каждый уголок тела и сути, чтобы получить доказательства или оправдания ошибочности своих домыслов. Его исследовательский интерес не походил на виденное Шестой ранее, в лаборатории. Не «Интересно, как еще ее можно

изменить?», а «Какая прелесть! Интересно, на что еще она способна?» Докопаться до сути, изменить уже существующее, улучшить, по возможности не теряя ни одного «полезного свойства»… Так вот, в чем не ошиблась Шелли: Франкенштейн был ученым до мозга костей. В свободное время, когда не просыпалась его дьявольская бойцовская сущность.

Голословность собственных выводов казалась очевидной, но привычка доверять своим чувствам, интуиции была сильнее аналитики, поэтому девушка смело встретила взгляд.

— Нет, — наконец-то фыркнул директор и расслабился, неуловимо, но линия плеч стала менее жесткой, уже не натягивая ткань безупречного пиджака, словно готова была порвать его в клочья. — Нет, не похожа. Однако это не изменяет того факта, что пользоваться пламенем могут лишь его носители.

— Все дело в наличии хорошего проводника, — изворачивайся, не лги, но и не говори правды, чтобы потом, если союзники оправдают доверие, не стало мучительно стыдно. — Я пользуюсь не самим пламенем, а изделиями из него.

Пуля меж тонких пальцев сверкала янтарной каплей в лучах солнца, притягивала взгляд, волшебным камнем, пилюлей, чья мягкая оболочка может лопнуть от неосторожного движения в любой момент. Только Семейка знала, насколько на самом деле тверд материал преобразованного пламени.

Франкенштейн подался вперед, голубые глаза заинтересованно блеснули, но Шестая предусмотрительно спрятала «игрушку». Ученый вздохнул тяжело, всем своим видом ненавязчиво показывая, как нелегко в столь несовершенном мире такому гению, как он, объяснять очевидные вещи глупым людям. Ведь они не касались никоим образом его исследований!

Шестая обязательно впечатлилась бы, если бы не являлась сестрой Восьмой, которая могла понизить самооценку кому угодно одним движением брови.

В темных глазах Рейзела ей почудились отголоски веселья, да и директор уже не так настораживал.

— Меня волнует только безопасность учеников и школы, — угу, Мастер идет по умолчанию, — однако при всех своих возможностях не могу уследить за одной чрезвычайно шумной компанией, — где есть Мастер — это буквально пропечатывалось между строк. — Вдобавок не хватает людей, которые не были бы удивлены несколько… необычному поведению, — взгляд его снова скользнул по макушке Мастера, невозмутимо пившего уже вторую чашку чая.

— То есть, — не дала ему продолжить ездить по ушам Шестая, — вы хотите, чтобы я по-прежнему училась, приглядывала за одноклассниками…

- Не за всеми.

- …страховала вас по возможности, а вы, в свою очередь, не будете обращать внимания на мое возможное отсутствие и почему у меня в сумке пистолет.

— Грубо говоря… да.

— А что мне за это будет?

Франкенштейн выглядел так, словно хотел похлопать ее наглости. Даже Рейзел хмыкнул. В любое другое время Шестая подивилась бы тому, что пробила ледышку на столь «яркое» проявление эмоций.

— Медицинская помощь и прикрытие, если ты «пошумишь» немного с особо буйными противниками. Если пожелаешь, могу модифицировать организм.

— Модификации сразу нет.

Светлая бровь взлетела удивленно.

— А разве ты не модификант?

Шестая усмехнулась.

— Чтобы точно стрелять и быстро бегать, совсем не обязательно изменять тело в лаборатории.

Франкенштейн кивнул каким-то своим выводам. Девушка почти видела, как заполняются строки его мысленного блокнотика. Ах, да, ее же нельзя почувствовать, как местных модификантов!

— А еще я могу помочь с решением любых проблем, которые придут вслед за тобой.

Шестая невольно вскинула брови, но директор был серьезен, абсолютно, беспрекословно. И выглядел так, словно готов начать обзванивать свои «связи» немедленно, дабы избавиться от хлопот. Девушка перевела вопросительный взгляд на Рейзела, тот кивнул.

Ей правда хотели помочь?..

— Ты отличная студентка, Тсуна. И ты спасла ученицу, не бросила ее ни в первый раз, ни во второй. Хотелось бы в дальнейшем рассчитывать на подобную… помощь.

Шестая сдалась. Даже интуиция, проклятая предательница и самый верный советчик, на их стороне, мурлыкая свернувшимся в тепле котенком.

— Мне нравятся мои друзья. И нет, я никоим образом не связана с Союзом, если вы боитесь именно этого.

— О, так ты слышала о Союзе?

Обращение на «ты» из уст директора звучало дико, но, пожалуй, Шестая привыкнет. Особенно, если учитывать, что драгоценный Мастер, а для нее — просто Рейзел, тоже записан в число «подзащитных».

— Немного.

Мужчина кивнул, вновь погрузившись в какие-то свои мысли. Шестая не мешала, ей тоже было, о чем подумать.

Она заключила союз с директором Е-Ран. К добру ли, к худу, но интуиция подсказывала, что девушка никогда о данном выборе не пожалеет.

— Так, значит, договорились! — наконец хлопнул в ладоши директор, снова сверкая улыбкой. Весьма коварной улыбкой. — Тсуна, можешь записать все, что выяснила о своих похитителях? Не верю, что не разведывала обстановку.

— Н-но… — девушка сразу растерялась. Какой-то слишком быстрый переход от номинально серьезного и делового разговора до… общения ученицы с директором?

— Можешь считать это сочинением на вольную тему, — царственно махнул рукой блондин.

— Н-но…

— Орфографию и пунктуацию я тоже проверю.

Шестая готова была взвыть: о таком интуиция не предупреждала!

***

То, что от директора так просто не избавиться, стало понятно, когда зазвонил телефон. Только-только вышедшая из душа Шестая обреченно попрощалась с планами на тихий, спокойный вечер перед телевизором с пачкой орешков в острых специях — а ведь ей так нужно было восстановить душевное равновесие, после сегодняшней нервотрепки! Одно проклятое

сочинение чего стоило! Но куда там, директор даже дистанционно был весьма настойчив, его черную ауру нетерпения можно было уловить из соседнего дома. Девушка отбросила полотенце, которым вытирала голову, и подняла трубку.

— Добрый вечер.

— Добрый.

— Мне нужно отойти ненадолго по делам наших общих знакомых. Не могла бы ты составить компанию Мастеру в мое отсутствие?

Вряд ли «Мастеру», молчаливому по своей природе, станет скучно без людского общества. Скорей всего, директор просто беспокоился, что некому будет заваривать чай, потому что, учитывая взаимоотношения Рейзела с современной техникой, ставить чайник он тоже не умеет. Шестая уже имела возможность наблюдать это дивное благородное недоумение при виде работающего вентилятора и жалюзи, что уж говорить об остальном?

— Да, конечно. Можно мне…

— Жду через пять минут.

- …переодеться? Видимо, нет, — ответила девушка гудкам.

Шестая посмотрела вниз. Стараниями вредной Восьмой она являлась обладателем огромного количества футболок с надписью «Keep calm…», а вот продолжения были самыми разнообразными, смешными и не очень — саркастичными, когда Восьмой трепали нервы. Сестра привозила их отовсюду, куда загоняли ее задания и просто желание посмотреть красоты собственного мира. Даже если ей приходилось удирать по крышам, она находила время спуститься и купить очередную дурацкую одежку. Инициативу, быстро переросшую в традицию, подхватили остальные члены семьи. Но если Восьмая оставалась постоянной в своих пристрастиях, то сестры и братья не ограничивались одной надписью. Принты, шуточки и так далее… да много чего еще.

В данный момент футболка гласила, что у ее обладательницы «Ни стыда, ни совести — ничего лишнего». Шестая вздохнула, накинула домашнюю кофту на пуговицах и забрала приготовленные вкусняшки. Одним чаем сыт не будешь, а шариться по чужому холодильнику невежливо. Зная директора, у нее даже меньше, чем пять минут, лучше выйти немедленно, значит, переодеваться некогда.

Как в воду глядела — Франкенштейн — кстати, это имя подходило ему гораздо больше, нежели Ли, которых в каждом доме с пяток — уже ждал перед домом. Блондинистая бровь выгнулась, стоило только мужчине увидеть футболку. Шестая повела плечами — сам виноват, нечего выдергивать из дома в том, что мать подарила.

Но все равно становилось немного не по себе: в домашней одежде на фоне шикарного блондина в ладно скроенном черном костюме. Как будто не на задание, а на свидание собрался. Шестая поправила прихваченные на всякий случай браслеты с запасными пулями. Длинные полы бежевой кофты надежно скрывали пистолет от посторонних. Увидев его, Франкенштейн довольно кивнул.

— Твой экземпляр ключей. Думаю, мы теперь будем встречаться часто, — непонятно хмыкнул он и буквально испарился, не успела Шестая отвести взгляда от трех ключей на кольце. Это что — еще одна проверка? Или высшая форма доверия?

Или снова Рейзел постарался? Девушка уже отметила, что одноклассник-модификант обладает какой-то удивительной, прямо-таки сказочной властью над строгим директором, которого даже многочисленные проверяющие побаивались.

В любом случае, «пациент» уже ждет.

Тишина окутала, стоило только защелкнуть дверь. Рейзел словно не обратил внимания, сверля пристальным взглядом пустую чашку.

— Бросили тебя одного? — Шестая сгрузила пакет на столик, удостоившись короткого кивка.
— Оке-ей. Как насчет того, чтобы научиться пользоваться чайником, плитой и кофеваркой?

Рейзел встал с такой скоростью, словно служил в армии, однако при этом ему не изменила грация. И выжидающе уставился на подругу. Он явно не знал даже, где находится кухня.

Шестая вздохнула: это будет тяжелый вечер.

http://tl.rulate.ru/book/16503/334485